

УДК 39::622, 303::304.44, 308
DOI: 10.17223/2312461X/33/8

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ЗАПАДНОМ ТАЙМЫРЕ*

Александр Сергеевич Басов
Святослав Олегович Ковальский

Аннотация. Цель статьи двояка: с одной стороны, показать авторский опыт применения подхода, предложенного зарубежными специалистами в области оценки социального воздействия в рамках специфического для России жанра прикладного исследования, определяемого как этнологическая экспертиза; с другой – представить теоретический аргумент, подкрепленный этим опытом, против «группизма» в прикладных исследованиях как тенденции, сопряженной с некоторыми эпистемологическими и этическими трудностями. Излагаются обстоятельства, цели и принципы этнологической экспертизы, в которой участвовали авторы; использованный в процессе исследования подход и логика его выбора; ход исследования и его результаты, а также концептуальные импликации приобретенного авторами опыта в свете антропологической теории.

Ключевые слова: оценка социального воздействия, этнологическая экспертиза, антропология добывающей промышленности, Таймыр

Этнологическая экспертиза (ЭЭ), которая рассматривается в этой статье, была проведена командой сотрудников Института этнологии и антропологии РАН под руководством Д.А. Функа по заказу Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра и при участии ее представителей¹ в первой половине 2021 г. Поводом для нее послужил разлив более чем 20 тысяч тонн дизельного топлива в Норило-Пясинскую водную систему в результате аварии на дочернем предприятии Норникеля. В свете экологической катастрофы, а также перспектив нефтегазового освоения стала очевидной необходимость проведения фоновых исследований, в том числе социальных, данные которых в дальнейшем могли бы быть использованы для оценки воздействия как конкретных промышленных проектов, так и промышленного освоения региона в целом. Своего рода фоновым исследованием, сосредоточенным на коренных малочисленных народах Таймыра (КМНТ), стала и обсуждаемая здесь ЭЭ, основной целью которой было выявление факторов бла-

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д.А. Функ).

гополучия людей, относящихся к КМНТ и проживающих на Западном Таймыре, а именно в ряде населенных пунктов городского поселения Дудинка и сельского поселения Караул.

Планируя исследование, наш коллектив исходил из того, что ЭЭ должна учитывать лучшие мировые практики в области прикладных социальных исследований, в первую очередь в области оценки социального воздействия (Social Impact Assessment), с которой у ЭЭ схожие цели и задачи (Функ 2018: 77–78).

Социальная рамка для проектов

Следуя указанному принципу, в работе был использован наиболее актуальный из известных нам подходов, предложенных в рамках профессионального дискурса оценки социального воздействия – «Социальная рамка для проектов» (Social Framework for Projects), разработанная Эди Смитом и Фрэнком Ванклеем (Smyth, Vanclay 2017) – членами Международной ассоциации по оценке воздействия (International Association for Impact Assessment²). В основе подхода лежит понятие качества жизни (wellbeing)³, «которое включает удовлетворение базовых человеческих потребностей (например, качественная пища и вода), хорошее состояние психического и физического здоровья, возможность добиваться поставленных целей, чувство сопричастности к сообществу и привязанности к месту и в целом чувство удовлетворенности жизнью» (73). Факторы благополучия Смит и Ванклей делят на восемь категорий:

1) «люди» (people) – характеризует благополучие людей на индивидуальном уровне: их роль в домохозяйствах, здоровье, уровень образования и навыки, соблюдение прав человека;

2) «сообщество» (community) – включает социальные отношения и процессы внутри группы, связи, выходящие за ее пределы, социальный и политический контекст, в котором она существует;

3) «культура» (culture) – понимается как разделяемая внутри группы система представлений, которая служит опорой для осмысления действительности, обеспечивает чувство психологической безопасности и имеет как материальное, так и нематериальное выражение;

4) «жизнеобеспечение» (livelihoods) – охватывает деятельность членов домохозяйства по его поддержанию и определяется характером этой деятельности и активами, которые имеются в распоряжении домохозяйства;

5) «инфраструктура» (infrastructure) – описывает доступ к жизненно важной инфраструктуре и услугам, а также качество доступных инфраструктуры и услуг;

6) «жилье» (housing) – дает возможность анализировать доступность и качество жилья, а также строений, необходимых для жизнеобеспечения;

7) «окружающая среда» (environment) – позволяет обращать внимание на природные условия, в том числе погодные и климатические, а

также на значение, которое люди придают окружающим их природным объектам, в том числе эстетическое;

8) «земля» (land) – охватывает правовой режим (в том числе обычаи), действующий в отношении земли и природных ресурсов.

Основная единица анализа Социальной рамки для проектов (СРП) – индивид. Другими словами, данные собираются и анализируются с целью охарактеризовать благополучие людей, а не коллективов.

По замыслу Смита и Ванклея, СРП представляет собой, во-первых, концептуальную модель, которая объясняет, от чего зависит благополучие людей; во-вторых, практическую методологию для прикладных исследований по оценке воздействия; в-третьих, инструмент коммуникации, который позволяет вовлечь заинтересованные стороны в обсуждение вопросов, связанных с реализацией проектов развития (Smyth, Vanclay 2017: 77). Ее цель – улучшение практики планирования крупных промышленных и инфраструктурных проектов и управления ими: смягчение негативных социальных последствий, улучшение качества жизни людей, получение социальной лицензии на деятельность (66).

Авторы СРП утверждают, что их подход имеет целый ряд достоинств. Во-первых, это преимущества перед другими подходами в области развития:

- легкая операционализация, в отличие от «подхода с точки зрения возможностей» экономиста Амартия Сена (см.: Сена 2012; Smyth, Vanclay 2017: 67);

- фиксация как негативных, так и позитивных воздействий (в отличие от модели рисков обнищания и реконструкции (Impoverishment Risk and Reconstruction model) (67);

- внимание ко всем аспектам человеческой жизни (в отличие от подхода «Устойчивые способы жизнеобеспечения» (Sustainable Livelihoods Approach) (69);

- предоставление структурирующей рамки для выявления и категоризации значимых с точки зрения сообщества социальных факторов, в отличие от подхода «Развитие сообществ с опорой на активы» (Asset Based Community Development) (69).

Во-вторых, это совместимость с правами человека (в том числе с подходами, основанными на правах человека) (70). В-третьих, это соответствие основным международным стандартам и наилучшей практике (в первую очередь Социально-экологическим принципам Всемирного банка, Стандартам деятельности по обеспечению экологической и социальной устойчивости МФК, принципу Свободного, предварительного и информированного согласия (См.: Социально-экономические принципы... 2017; Стандарты деятельности 2012; Декларация ООН... 2007; Smyth, Vanclay 2017: 70–71). В-четвертых, СРП способствует достижению целей в области устойчивого развития⁴ (71–72). Наконец,

достоинство подхода – простой язык, который способствует налаживанию связи между экспертами и заинтересованным сторонами (Smyth, Vanclay 2017: 72).

Применение подхода

С точки зрения международной практики, наше исследование решало одну из задач первого этапа оценки социального воздействия – составление профилей сообществ (Vanclay et al. 2015: 8, 35–39). Под этим понимается качественное «описание сообществ, потенциально затрагиваемых запланированным вмешательством» (77), например проектом промышленного освоения. В данном случае составление профилей, с одной стороны, осуществлялось нами вне связи с конкретным проектом, с другой – предполагало описание сообществ не самих по себе, а в качестве одного из аспектов жизни (факторов благополучия) людей. В этом смысле получившиеся на выходе «профили сообществ» характеризуют качество жизни людей, проживающих в обследованных населенных пунктах и относящихся к КМНТ, а не сами населенные пункты. При этом, «проектируя» и проводя исследование, мы использовали СРП в двух из трех возможных качеств: как концептуальную модель и как практическую методологию. Это означает, что наш опыт не позволяет оценить СРП в качестве инструмента коммуникации.

Для выполнения поставленных целей и задач нами было проведено двухнедельное полевое исследование в населенных пунктах Западного Таймыра в январе–феврале 2021 г. Основным методом сбора данных было развернутое интервью по анкете⁵. Концептуальной основой анкеты стала СРП. Также при ее составлении мы руководствовались рекомендациями ведущих специалистов в области оценки социального воздействия (Franks, Brereton, Moran 2013; Gill, Ritchie 2020; Schooten Vanclay, Sloodweg 2003; Vanclay 2003; Vanclay et al. 2015; Webler, Lord 2010), оценки ущерба, убытков и потребностей после чрезвычайных ситуаций (Post-Disaster... 2013a, 2013b, 2015a, 2015b) и этнологической экспертизы (Адаев, Мартынова, Новикова 2019; Мартынова, Новикова 2012; Поддубиков, Садовой, Белозёрова 2014; Методы этнологической экспертизы 1999; Культура и ресурсы... 2015).

Кроме того, мы проводили неструктурированные экспертные интервью с сотрудниками администраций населенных пунктов, сотрудниками образовательных, медицинских учреждений, учреждений культуры, социальными работниками, предпринимателями, главами общин КМНТ, депутатами.

В ходе полевого этапа было проведено 89 интервью по теме исследования, из которых 65 были записаны на диктофон и расшифрованы⁶. Суммарно записано около 6 400 минут интервью. Интервью, не запи-

санные на диктофон, представлены полевыми записями, резюмирующими содержание разговора. Большая часть интервью (42) проводилась по анкете среди жителей населенных пунктов, которые относят себя к КМНТ и так или иначе связаны с традиционными промыслами. Анкета использовалась нами скорее в качестве руководства к интервью (опросника) и не заполнялась собеседниками самостоятельно – ответы собеседников фиксировались на диктофон.

Для анализа собранных в ходе полевых исследований данных нами была разработана система кодов на основе СРП. Эта система кодов дополнялась нами в ходе кодирования при обнаружении повторяющихся тем, не вмещающихся в существующие коды⁷. Для совместного кодирования текстов было использовано специальное ПО (Rampin, Steeves, DeMott 2021), развернутое на сервере Института этнологии и антропологии РАН. На основе закодированных данных интервью с привлечением релевантных данных из документальных источников (в первую очередь муниципальной статистики и официальных данных органов публичной власти) были составлены «профили сообществ». В дальнейшем, с точки зрения процедуры оценки воздействия, эти профили должны послужить основой для создания индикаторов оценки благополучия жителей, в соответствии с которыми можно будет собрать полноценные исходные данные.

Для демонстрации результатов применения описанного подхода в следующем разделе будет представлено краткое изложение профиля одного из обследованных населенных пунктов – поселка Усть-Порт. В нем будут приведены сведения о факторах, влияющих на благополучие людей, относящихся к КМНТ и проживающих в поселке. Рубрики профиля соответствуют факторам благополучия по СРП. В каждой из них приводятся краткие тезисные обобщения собранных сведений и цитаты из интервью.

В качестве источников были использованы данные шести интервью с семьями, преимущественно связанными с занятиями рыбалкой и охотой, трех экспертных интервью (администрация, родовая община, школа), а также документы, предоставленные администрацией населенного пункта (списки жителей по национальности и домохозяйствам, паспорта поселка за 2016–2020 гг.).

С точки зрения возможной будущей оценки социального воздействия промышленных и инфраструктурных проектов следует отметить, что, по данным Электронной карты недропользования России⁸, поблизости от Усть-Порта расположены три лицензионных участка: в 15 км к северу – участок Восточно-Песчаный, выданный компании ООО «НГХ – Недра» с целью поисков и оценки запасов; в 20 км к западу (через Енисей) находятся два смежных участка – Казанцевский и Северо-Горчинский, лицензиями на поиск, разведку и добычу полезных ис-

копаемых на которых владеет компания ООО «Восток Ойл». Все лицензии связаны с энергетическим сырьем и структурами «Роснефти». Жители также сообщают о том, что рядом с Усть-Портом планируется проведение трубопровода через Енисей.

Профиль поселка Усть-Порт

Люди. По данным на конец 2020 г., в поселке проживает 332 человека (в 2016 г. было зарегистрировано 298 чел.). Образование среди членов опрошенных домохозяйств – не ниже среднего. Получение образования детьми кажется важным родителям. При этом родителям представляется, что ребенок сам должен выбрать, где учиться, планирование образовательных траекторий за детей не распространено. Что касается навыков, связанных с промыслами, как правило, если в семье кто-либо занимается промыслом, дети также научаются чему-либо (ловить куропаток на петли, теребить птицу, ставить сети) и получают радость от этих умений.

Также некоторые навыки или положительное отношение к промыслу могут вырабатываться у детей в играх со сверстниками в поселке. Тем не менее не обязательно, что все дети в семье будут все уметь. Это зависит в том числе от желания самих детей.

На основе разговоров с жителями поселка складывается впечатление, что почти все их свободное время уходит на занятия, связанные с домашним хозяйством, либо с промыслами. Женщины, как правило, занимаются приготовлением пищи, стиркой, шитьем, ремонтом одежды. Мужчины топят печь (соответственно, заготавливают дрова и уголь), занимаются ремонтом, обеспечивают функционирование техники, возят воду, чистят снег. При этом, однако, домашняя работа в некоторых случаях является составляющей чувства привязанности к жизни в поселке.

Собеседница: Десять дней даже в Дудинке не сможешь. Домой тянет.

Интервьюер: Почему?

Собеседница: Не знаю. Домой хочу.

Интервьюер: К чему тянет? Чего хочется? Чего не хватает там?

Собеседница: Там что делать? Тут печку топил, воду возил. Уже привык к этому. Вышел на улицу, снег почистил, что-то такое. А там что? (МЭЭ 2).

Повседневный досуг в основном связан с телевидением, играми (спортивными и компьютерными), рукоделием. Отдых у местных жителей больше ассоциируется с выездами «на природу» (любительскую охоту и рыбалку), когда они едут за пределы поселка в окрестную тундру, и отпуском, когда они отправляются за пределы района.

Сообщество поселка сплоченное и при этом этнически многообразное. Усть-Порт был образован в 1916 г. как база будущего порта в низовьях Енисея. В предвоенные и военные годы (1940–1943) на Таймыр ссылались прибалтийские граждане – латыши, эстонцы, литовцы, финны, а потом и поволжские немцы и калмыки. Многие из них после реабилитации в конце 1950-х гг. остались в Усть-Порту. В настоящее время большинство населения составляет группа КМНТ (60%), почти исключительно состоящая из ненцев. Второй по численности группой являются русские. В поселке проживают представители и других этнических групп (нганасан, украинцев, бурят, хакасов, марийцев, чувашей, киргизов). Семейные, родственные и дружеские связи пересекают этнические границы и выходят за пределы поселка и даже района, не входя в противоречие с институтом национальности и образуя сети взаимопомощи.

В целом вокруг людей, занимающихся промыслами, образуются сети социальных связей, в которых поддержание отношений связано с гостинцами, подарками, посылками, передачами части добытых ресурсов. Как правило, угощают или передают рыбу, ягоды, гусей. Когда был олень – оленье мясо. География таких связей весьма разнообразна – от тундры и ближайших поселков до Дудинки, Красноярска и дальше, и зависит от наличия родственников или близких друзей.

У всех есть родственники в поселке, почти у всех (наших собеседников) – в тундре, как правило, в тухардской, занимающиеся оленеводством и ведущие кочевой образ жизни. Это может означать дополнительный доступ к источникам оленье мяса в виде «угощений» по случаю или по запросу, или наличия собственных оленей в стаде. В тундру отправляют хлеб, чай, масло, запчасти. В обратную сторону, в поселок, как правило, идет помощь со снабжением более дешевыми или редкими в поселке относительно города продуктами. Также родственные отношения связывают жителей поселка с Дудинкой, Караулом, Тухардом, Носком.

Все наши собеседники испытывают чувство привязанности к поселку, однако лишь те, кто объясняют свою привязанность образом жизни, не планируют переезжать. Многие допускают, что вынуждены будут переехать. Объясняют они это возможным закрытием школы или поселка (эти «закрытия» тесно связаны в представлениях собеседников).

***Собеседница:** У меня пока есть работа. У нас есть школа. Раньше было одиннадцать классов, одиннадцатилетка была, сейчас девять сделали. Ну говорят, что, может, закроют школу. Если закроют школу, то и работы не будет, придется уезжать (МЭЭ 1).*

В целом наблюдаемую тревогу за будущее пос. Усть-Порт, страх, что его закроют, можно назвать социальной проблемой. По словам людей, имеет место отток населения из поселка. К причинам миграции они относят плохие жилищные условия, суровый климат, отсутствие

работы, стремление получить образование или обеспечить им, программу переселения; к основным направлениям миграции – города, в первую очередь Дудинку и Красноярск. Приезжают в поселок, по словам собеседников, в основном на заработок. При этом возвращаются как коренные жители, так и те, кто родом из других населенных пунктов района и страны. Также, по словам некоторых собеседников, в поселок возвращаются те, у кого не получается завершить обучение в Таймырском колледже.

Усть-Порт входит в состав сельского поселения Караул и представлен одним депутатом. Управление осуществляется руководителем территориального подразделения, входящего в состав администрации сельского поселения. К местной власти местные жители относятся скорее с недоверием, хотя к депутату отношение нейтрально-положительное. Люди неохотно обращаются или вовсе не обращаются в местную администрацию (т.е. территориальное подразделение), считая, что это не принесет результатов; к депутату тоже не обращаются, объясняя это отсутствием поводов.

Большинство собеседников чувствуют себя здесь безопасно. Тем не менее, по ощущениям некоторых, в поселке участилось воровство. Также, по их словам, источником тревоги является Росгвардия, которую обвиняют в неоправданном и несправедливом преследовании местных жителей в ходе антибраконьерских рейдов и проверок и подозревают в коррупции.

Интервьюер 2: Росгвардия?

Собеседница: Да, Росгвардия. Им же дозволено, поэтому они так себя ведут, что боимся...

Собеседница: Боимся высунуться, ну.

Собеседник: Люди закрываются.

Собеседница: Они могут спокойно зайти, хотя у них должен быть документ, наверное. Это же моя частная собственность. Какое ты имеешь право сюда зайти? Они себе позволяют.

Собеседник: Мы говорили, что, если рейд идет, надо, чтобы был сотрудник, представитель наш из местных, кто понимает и знает быт, а не так (МЭЭ 3).

Культуру поселка во многом определяет именно ненецкое население. Тем не менее основным языком общения в поселке является русский. Есть семьи, в которых говорят по-ненецки, но их меньшинство. В некоторых семьях по-ненецки говорят отдельные члены семьи. Уровень владения ненецким языком также варьируется между членами семей. Как правило, он выше у старшего поколения. Молодежь может понимать язык, но не умеет на нем говорить или стесняется это делать.

В настоящее время ненецкий язык преподается в школе в качестве отдельного предмета, но в детском саду отсутствует. Что касается пуб-

личных мероприятий, то они полностью или почти полностью проводятся на русском языке, за исключением отдельных «номеров» на праздниках, которые в отсутствие повседневного функционирования языка остаются экзотикой.

Собеседница: *И они усвоили, что можно на родном языке говорить только на праздниках. На День Таймыра и День малочисленных народов мира. Вот, это, как говорится, практика и это система. А система, как говорится, напроць уходит в человеческие умения и навыки. А мероприятия к празднику выучиваются наизусть, стихотворение даешь – он учит наизусть. А потом, значит, какую-то сценку поставят, а дальше ничего уже нету. Дальше же они не разговаривают (МЭЭ 1).*

В последние годы была предпринята попытка устроить «языковое гнездо» (о феномене «языкового гнезда» см.: Российская Арктика... 2016: 222–223), однако, поскольку, по словам школьных педагогов, труд тьюторов не оплачивается, они не заинтересованы в том, чтобы регулярно приходить на занятия.

Целый ряд ненецких обычаев соблюдается жителями поселка, причем не только относящимися к КМНТ, например, запрет на сбор ягоды на протяжении года после смерти родственника; запрет для женщин разделять определенную рыбу (вид запрещенной рыбы варьируется в зависимости от рода, к которому относится женщина; ср. также: Хомич 1966: 137); запрет обходить и объезжать по кругу определенные объекты, например священные места, дома.

Национальными праздниками поселка считаются День рыбака и Международный день коренных народов мира. Также некоторые жители поселка ездят в п. Тухард на День оленевода. Кроме этого, в поселке отмечают День Таймыра (декабрь). В праздники сотрудники дома культуры и территориального подразделения организуют мероприятия, в том числе конкурсы с призами. Несмотря на то что первые два упомянутых праздника считаются национальными, язык приуроченных к ним мероприятий – русский. С праздниками также связано недовольство некоторых собеседников, а именно эксплуатирующей индигенность культурной политикой, которая не замечает повседневные проблемы и потребности людей.

Собеседник: *Я не доволен, что у нас государство веселится. Постоянно Таймыр – праздники, праздники, праздники. Слишком часто сделали. «Веселитесь, а мы будем у вас тут газ и нефть выкачивать».*

Собеседница: *Хотелось бы чего-то серьезнее, а не только на праздниках выходить за счет коренных, гостеприимства и этого всего. Я понимаю, но у нас внутри же гостеприимство. Мы, может быть, иной раз не хотим его публично показывать. Другой раз бываем вынуждены – те же семейные клубы, как повелось. «Семейный клуб. Вам надо поставить чум». Может быть, мне некогда. Может, я хочу с внуком посидеть.*

Собеседник: *Слишком весело (МЭЭ 3).*

Кроме упомянутых праздников местные жители, в том числе относящиеся к КМНТ, отмечают православные праздники: Пасху, Крещение, Радоницу.

Ни один из собеседников не отнес себя к какой-то определенной религии. Тем не менее нельзя сказать, что среди представлений и практик собеседников нет таких, которые можно было бы отнести к религиозным. Более того, в словах собеседников можно увидеть классификации, основанные на представлениях о религии, причем тесно связанные с национальными классификациями.

Религиозность жителей поселка особенно проявляется в отношении к определенным местам в окружающем пространстве. Так, собеседники упоминали священные места на левобережье Енисея в окрестностях поселков Тухард и Носок (ср.: Хомич 1966: 199–201). Эти места считаются ненецкими и представляют собой возвышенности. Тем не менее почитаются они и людьми, не относящимися к ненцам, местными жителями вне зависимости от этнического самоопределения. В отношении этих мест соблюдаются определенные правила поведения (199–201).

К сакральным местам также стоит отнести кладбища. В ближайших окрестностях поселка их два: ненецкое и «русское» (в кавычках, потому что там хоронят не только русских). Правила поведения в отношении ненецкого кладбища отличаются от «русского» и сближаются с правилами поведения в отношении других священных мест, считающихся ненецкими (см.: Хомич 1966: 2019). В частности, на ненецкие кладбища распространяется запрет на «кружение» (т.е. на обход по кругу). Значимые для жителей поселка кладбища находятся не только в окрестностях поселка, но и на территории других населенных пунктов и участков сельского поселения, связанных, как правило, с семейной (родовой) историей.

Жизнеобеспечение домохозяйств в поселке связано, с одной стороны, с финансовым потоком, зависящим от наличия рабочих мест, выплатой зарплат, снабжения и т.п., с другой стороны – с потоком добываемых в тундре ресурсов, который зависит от природных циклов, событий и изменений.

Одна из главных проблем жителей поселка – низкие доходы. В таблице ниже приведены округленные данные о бюджете по опрошенным домохозяйствам. Три из пяти домохозяйств находятся за чертой прожиточного минимума (величина последнего составляла в среднем на 2020 г. для Таймырского Долгано-Ненецкого района на душу населения 20 003 руб. в месяц, т.е. 240 036 руб. в год⁹).

Исторически ключевым предприятием поселка являлся рыбозавод. В настоящее время главные рабочие места предоставляют предприятия бюджетной сферы (школа, детский сад, ДК, администрация), а также предприятия или предприниматели, связанные с промыслами. По дан-

ным муниципальной статистики, в 2020 г. из 332 постоянных жителей 180 были заняты на предприятиях и организациях поселка. Наиболее крупным работодателем является школа (45 чел.) и детский сад (20 чел.). В девяти организациях сельского хозяйства заняты 24 чел. Действуют три семейно-родовые общины (СРО «Хохорей», СРО «Сармик Хани», СРО «Тиртя-Лимбя»).

Бюджеты опрошенных домохозяйств

Доходы д/х в 2020 г., руб.	1 400 000	1 000 000	1 460 000	515 000	410 000
Доходы на 1 члена д/х в 2020 г., руб.	350 000	150 000	486 000	128 000	137 000
Кто в д/х распоряжается финансами	Вместе	Вместе	Н/д	Ж	Ж

График работ двух типов – полноценный рабочий день (школа, ДК, администрация) либо сменный (кочегары, сторожа). Несколько человек в поселке работают вахтовым методом на добывающих предприятиях. Помимо основной занятости многие жители поселка, в том числе дети имеют подработку, или вторую работу. В целом, что касается бюджетной сферы, по мнению жителей, она неуклонно сокращается, предприятия «разваливаются», что влечет за собой и сокращение рабочих мест (а также снижение квалификации востребованных сотрудников).

Собеседник: Ой, я много работ тут поменял. Я работал и рыбообработчиком на рыбозаводе, и грузчиком, и трактористом, и водителем водовоза, и кочегаром.

Собеседница: И дизелистом еще.

Собеседник: Дизелистом. Ну, тут... То развалится, совхоз развалился. Пришлось... Ну и прыгаем так с работы [на работу]. Ну, стараемся, естественно, где зарплата побольше, туда уходить. ...Сейчас у нас тут основные профессии это кочегарки (МЭЭ 1).

Заработок за счет промысла связан с продажей рыбы, оленя, ягоды, куропаток. Согласно официальным данным, в 2020 г. было сдано 1 450 шт. куропаток, выловлено 42 т рыбы. По словам наших собеседников, этот заработок нестабилен, ненадежен и невелик, поскольку осуществление промысла требует существенных затрат, прежде всего, на топливо и запчасти для техники. В основном же люди живут не на доходы от промыслов, а на зарплаты либо пенсии.

Интервьюер 1: Это [деньги, которые заработаны] на кочегарке получается. А если еще с рыбой посчитать?

Собеседник: Ой, там доход я даже не считаю. Это все оно у нас окупается в этот же бензин на технику. Это получается, ну, домой не приходят деньги с этого.

Интервьюер 1: Ага. То есть только рыба приходит домой с этого?

Собеседник: Да. С этого мы оправдываем топливо, масло, запчасти [закупаемся]. Получается круговорот. Запчасти дорогие, топливо дорогое (МЭЭ 1).

Тем не менее занятие промыслом очень важно для людей. «Сеточка» на Енисее или на озерах в тундре, так же как петли для ловли куропатки, сбор ягод и грибов в конце лета, имеют для большинства то же значение, что и подсобные хозяйства и огороды на более южных территориях. Соответственно, то, что можно добыть, как правило, не покупается в магазине.

С промышленной точки зрения разрешенными к вылову особо ценными видами рыб являются чир, сиг, пелядь; не особо ценными – щука, налим, хариус, плотва, корюшка, сельдь и др. В настоящее время, по словам жителей, наиболее важными для промысла видами рыб считаются сиг и сельдь – эту рыбу принимают предприниматели, при этом сиг более всего ловится осенью на сети, а сельдь – летом неводами. Под запретом находятся осетр, муксун, омуль. Они все равно попадают в сети «приловом», но целенаправленно ловить их опасаются. В целом объем рыболовства сократился по сравнению с прошлыми годами, когда еще функционировал рыбзавод.

Собеседник: Раньше, вот когда я работал на рыбзаводе... Тут было 12 или 15 бригад неводных. ...Раньше они были через каждые... Тем берегом через каждые, наверно, 5–7 км, было 12 или 15 бригад. Сейчас их, по-моему, две бригады и то, это уже не бригады, а как... У участника просто имеется невод и документы на вылов. Он набирает себе людей, кто хочет, ну, там рыбки домой или подзаработать... (МЭЭ 1).

Чтобы заниматься промыслом рыбы с целью заработка, нужно либо работать на предпринимателя или предприятие, либо быть им. Ключевые аспекты в работе рыбопромышленного предприятия: оформление, лов, хранение, транспортировка, реализация. Оформление включает оформление водоемов и разрешений на лов, транспортировку, продажу рыбы, а также оформление деятельности предприятия, в том числе найм работников, уплату налогов, пенсионных выплат и т.п. Как правило, для этой цели нанимается бухгалтер, который находится в Дудинке. При этом, если предприятие зарегистрировано как родовая община, можно предположить, что должны быть какие-то отличия от оформления и деятельности обычных предприятий, но жители поселка таких отличий не видят.

Интервьюер: Я думал, что родовые общины – это некоммерческие организации.

Собеседница: Некоммерческие, но мы можем заниматься. У нас идет в выпуске ОКВЭД, которыми мы можем заниматься, я могу и торговлей заниматься, я могу сама делать эти консервы.

Интервьюер: Какие ограничения, в чем отличия от коммерческой тогда?

Собеседница: Я не сталкивалась еще с ограничениями. То, что налогообложение у нас идет упрощенное, то же самое. Я никогда, кстати, и не задумывалась о том, что у нас может быть что-то другое (МЭЭ 2э).

Рыбаки, занимающиеся промыслом рыбы на продажу, обычно организованы в бригады. В каждой бригаде может быть от 2–3 человек. Бригаде выделяется место и выдается все необходимое для лова. Впрочем, рыбаки могут работать и поодиночке, особенно на осенне-зимней рыбалке, которая чаще осуществляется «по договору», а не «по трудовой книжке». Так или иначе, рабочие выезжают на время работы на точку, где, в зависимости от ее удаленности от поселка, могут жить довольно длительное время – до нескольких месяцев. Именно в таких случаях чаще используется традиционная одежда – малицы, бокари, которая является более теплой и функциональной. Как правило, на таких точках находятся балки, где можно жить. Летом могут использоваться чумы. Проверять сети нужно каждые 3–4 дня. Выловленная рыба привозится на базу, где есть холодильные установки, раскладывается по видам, взвешивается, затаривается для хранения и транспортировки. За сданную рыбу рыбаки получают деньги. Рефрижераторы используются в теплое время года, в холодное достаточно уличного мороза.

Летом для транспортировки используются катера или большие лодки, а также проходящие теплоходы, баржи и т.п.; зимой – снегоходы с санями. Для транспортировки требуются документы – транспортная накладная, товарный чек, заверенная копия разрешения на вылов рыбы. Продукция вывозится в Дудинку, где, как правило, имеется также обогрванное место для хранения. Там же проходит ветеринарное освидетельствование – экземпляры рыбы берутся для проведения анализов в лаборатории, полученные данные затем вносятся в единую базу данных «Меркурий». Потребителями могут выступать мясо-рыбокомбинаты, школы, заведения питания и т.п. С небольшими предприятиями вроде семейно-родовых общин заключают разовые контракты, так что каждый сезон необходимо искать своих покупателей.

Рыбным промыслом небольшого масштаба невыгодно заниматься в связи с регуляторными ограничениями и экономическими факторами. Поскольку это занятие требует денежных вложений (техника, бензин, оформление бумаг и поиск возможностей для сбыта), а наиболее дорогие виды рыб запрещены к вылову, окупаемость достигается только на некотором масштабе, что делает невозможным превращение всех умеющих и желающих заниматься рыбной ловлей в предпринимателей.

В поселке зарегистрировано несколько семейно-родовых общин (СРО). По сведениям, полученным от наших собеседников, для создания такой общины нужно хотя бы два человека. Готовится устав, созывается собрание членов будущей общины, устав утверждается протоколом, после чего документы отправляют в Министерство юстиции для

регистрации юридического лица. Далее от лица общины можно претендовать на водоемы, участки, нанимать работников, заниматься промысловой деятельностью. Некоторые оформляют СРО, поскольку это менее затратно и накладно, чем содержание ИП, и при этом на СРО выдают «более солидные» лимиты на вылов рыбы для питания (МЭЭ 3).

Промысел дикого оленя очень важен для жителей поселка и как средство пропитания, и как источник денежного дохода. Именно сбыт продуктов этого промысла ранее позволял жителям достаточно быстро заработать необходимую сумму для капитальных вложений, например, в покупку новой техники.

Собеседница: *А больше как? Сначала купили «Буран» себе в 2017 году, в 2018 году лодку – та старая уже – с мотором купили. Когда оленя больше было, более-менее. Оленя настреляет, продаст. Сейчас мало стало денег. Это [доход от промысла дикого оленя] было ощутимо тогда: мясо продашь, камус продашь... (МЭЭ 2).*

С точки зрения питания дикий олень разнообразил рыбный стол – с его исчезновением расходы на мясные продукты, покупаемые в магазине, увеличились. Невозможность добыть дикого оленя в привычных количествах беспокоит людей. Отмечается, что с начала 2010-х гг. его стало меньше, а с 2017–2018 гг. олень почти совсем исчез.

Охота на зайцев и куропаток служит для добычи дополнительного источника пропитания. На куропатках, зайцах и перелетных птицах можно немного заработать, сдав добытое в магазин или продав в поселке тем, кто сам не промышляет.

Из ягод чаще всего собирают морошку, бруснику, красную смородину, голубику. Также собирают шикшу, клюкву. Грибы многие жители не особо различают, выделяют, как правило, обабки и грузди. Ягоду можно продать – как в поселке, так и за его пределами, например, дав объявление через интернет.

Интервьюер: *То есть большую часть ягоды вы продали.*

Собеседница: *Большую часть, конечно.*

Интервьюер: *На продажу. А куда, кому вы продаете, где?*

Собеседница: *Здесь продавала людям, потом в Дудинку отправляла. Тож же там через интернет. Дала объявление, там, кому надо, собирала, продавала.*

Интервьюер: *А где вы объявление давали?*

Собеседница: *Вконтакте.*

Интервьюер: *Вконтакте?*

Собеседница: *Ну, там есть группы «Продавай в Дудинке» – там я объявление давала. Или под другим объявлением смотрела, допустим, кто-то там пишет: «Куплю ягоду с Таймыра». Все, позвонила, написала (МЭЭ 4).*

Однако заготовкой на продажу занимаются немногие, люди чаще собирают для себя и для отправки родственникам и знакомым. Помимо ягод и грибов некоторые жители собирают дикий лук и щавель.

Некоторые жители экспериментируют и с выращиванием собственных овощей – картошки, моркови, огурцов.

Для ведения промысла, как правило, необходимы снегоход, лодка, балок. По официальным данным, в 2020 г. на 86 домохозяйств (квартир) было зарегистрировано 70 снегоходов, 46 лодок с моторами, 4 легковых автомобиля, 2 трактора.

Различные домохозяйства по-разному реагируют на рост цен. Паттерны потребления в отношении большинства продуктов, как правило, не меняются – «потому что больше брать негде» (МЭЭ 5). В других случаях люди отказываются от того, что слишком дорого, например от фруктов. Существенные затраты могут быть связаны с табачными изделиями и алкоголем.

Сбережения отсутствуют даже у наиболее обеспеченных семей. Те, которые могли бы накопить, по-видимому, тратят их на покупку техники (лодки, снегоходы и т.п.) и повышение уровня жизни (покупка продуктов, ремонт и т.д.). Займы можно разделить на два вида: повседневные (долг в магазине, небольшие займы у друзей и знакомых «до зарплаты») и капитальные (кредиты на покупку техники или недвижимости). Люди прибегают и к тем и к другим, хотя некоторые осознанно избегают брать в долг.

Из пищевых продуктов более всего запасают муку, сахар, овощи (картофель, лук, морковь, свеклу, капусту), масло – с расчетом на несколько месяцев. Хлеб, как правило, пекут самостоятельно.

Собеседница: *А остальное, допустим, капусту там солим, морковку тоже натираем, замораживаем, свеклу, чтобы было, хватало на весь год.*

Интервьюер: *А какая основная причина запасов?*

Собеседница: *Потому что здесь ничего не продают. Так вот в этом году есть в магазине лук, картошка, а бывает, что зимой вообще не продают овощей обычных. Даже я уже молчу там про фрукты и другие овощи: огурцы, помидоры очень-очень редко там, на праздники (МЭЭ 4).*

Из продуктов «добываемых» рыбу, как правило, не запасают, поскольку «она всегда есть». Исключение составляет заготовка засоленной рыбы осенью. К ягодам и грибам относятся по-разному, но если их запасают, то, как правило, замораживают, реже закатывают, солят. В связи с тем что в последние несколько лет невозможно добыть дикого оленя, люди либо меняют рацион, либо потребительские привычки и способы снабжения. Например, оленье мясо покупают у оленеводов, когда они останавливаются недалеко от поселка, либо берут у родственников, если они есть. Из непродовольственных товаров наиболее

важен бензин. Его стоимость в разных населенных пунктах может различаться в разы: по словам жителей, в 2020 г. стоимость составляла 11 000 руб. за бочку в Дудинке против 20 000 руб. за бочку в поселке.

Люди в поселке самостоятельно обеспечивают себя дровами и водой. В конце весны – начале лета жители запасают дрова – ловят лес, который идет по Енисею во время ледохода, распиливают его на берегу и везут домой. Для растопки собирают на берегу кору.

Инфраструктура и услуги, доступные местным жителям, весьма ограничены. В поселке действует фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) – филиал Таймырской межрайонной больницы. В штате ФАПа два сотрудника. Люди регулярно обращаются к ним и с благодарностью отзываются об их работе, но в то же время отмечают нехватку медицинских специалистов и недоступность многих медицинских услуг (например, стоматологических). По этой причине по многим вопросам в области здравоохранения местные жители вынуждены обращаться в городские медицинские учреждения (в первую очередь по вопросам родов). По словам наших собеседников, здание ФАПа плохо отапливается, при том что есть потребность в круглосуточном стационаре. Также местная аптека плохо снабжается медикаментами.

В поселке нет организованного водоснабжения чистой питьевой водой. Оно осуществляется в частном порядке – самостоятельно или по соглашению с собственниками личного транспорта (снегоходов и автомобилей) – путем забора воды из Енисея.

Получение государственной поддержки местными жителями осложнено удаленностью поселка от центров предоставления госуслуг, большая часть из которых расположена в городах Дудинке и Норильске. В первую очередь это касается пенсий и пособий. Такие же трудности возникают с регистрацией средств передвижения и оружия, имеющих важное значение для промысла. Подача заявок на получение квот на вылов рыбы и государственной поддержки для коренных малочисленных народов возможна через местное территориальное подразделение.

В поселке действует Усть-Портовская средняя общеобразовательная школа, также выполняющая функции детского сада. В школе не хватает педагогов по некоторым предметам, в частности по математике. Также в ней нет спортзала, что ограничивает проведение уроков физкультуры и работу спортивных секций. По этой же причине школа вынуждена проводить указанные занятия в помещении местного дома культуры.

Получение среднего общего образования на территории сельского поселения возможно лишь в с. Караул, а профессионального – за его пределами. Наиболее доступным для местных жителей учреждением профессионального образования, а именно среднего профессионального, является Таймырский колледж, расположенный в г. Дудинке. Выс-

шее образование можно получить лишь за пределами района – чаще всего жители упоминали Норильск и Красноярск.

Своего рода организатором досуга выступает местный дом культуры. При доме культуры действуют клубы, кружки и проводятся турниры. Сотрудники организуют мероприятия в наиболее значимые праздничные дни. Также в поселке действует библиотека.

Людям доступна междугородная и сотовая связь, а также спутниковый интернет. Последний – дорогой, низкоскоростной и нестабильный. Сотовая связь также слабая и нестабильная.

Поселок расположен на правом берегу Енисея, в 110 км от Дудинки и 70 км от Караула и связан с ними и с другими поселками сельского поселения воздушным и водным сообщением: в летнюю навигацию по расписанию, два раза в неделю, выполняют рейсы грузопассажирский паром «СП – 4» и грузопассажирский теплоход «Хансута Яптунэ»; в весенний, осенне-зимний периоды при наличии полной загрузки (по четвергам, пятницам) выполняет рейс вертолет Ми-8 по маршруту Дудинка – Усть-Порт – Караул – Носок и обратно (официальный сайт сельского поселения Караул). Люди жалуются на загруженность доступных видов общественного транспорта.

Наземное сообщение возможно только в зимнее время – по зимнику или прямо по замерзшему Енисею ввиду отсутствия автомобильной дороги. Основными видами наземного транспорта здесь являются снегоходы и так называемые триколы (от «Трэкол» – названия вездехода российского производства), перемещения на которых осуществляются в основном в частном порядке. К личным видам транспорта также относятся лодки.

В поселке действуют два магазина. Один – продуктовый, в другом продаются также одежда и хозяйвары. Как утверждают жители поселка, продукты в магазинах по всем параметрам уступают продуктам в Дудинке: они дороже, выбор меньше, качество хуже. Поэтому, если есть возможность, закупки производятся в Дудинке, Красноярске, Тухарде. Относительно выгодные закупки осуществляются за счет сезонного плавмагазина. Однако, по словам наших собеседников, в последние годы он приходит достаточно редко.

Жилье. По данным, предоставленным нам в территориальном подразделении поселка, на 2021 г. в п. Усть-Порт насчитывается 70 домов и 86 квартир на 332 человека постоянного населения. Жилой фонд поселка состоит из одноэтажных деревянных домов. Электроснабжение осуществляется дизельной электростанцией. Для печного отопления было завезено 1180 т угля. Ветхий и аварийный фонд составляет значительную долю в общей площади жилья.

***Интервьюер:** Скажите про дом. Вы довольны своим жильем с домом?*

***Собеседник:** Не доволен уже. Старый дом, с 34-го года рождения...*

Интервьюер: Какие в нем проблемы?

Собеседник: Деревянный же он, в землю уходит.

Интервьюер: Оседают?

Собеседник: Оседают, да. Нижние балки уже все, сгнили. Вроде выравниваешь, потом опять... это самое...

Интервьюер: Приходится много сил...

Собеседник: Да, ну...

Интервьюер: Пол холодный?

Собеседник: Конечно, щас морозы уже... печку надо тоже менять щас уже... Время... работы много там, складывать... (МЭЭ 6).

В поселке строится и новое жилье, но местные жители довольны не всеми очередями строительства. Преимущественно довольны жильем жители домов, построенных в 2012 г. Тем не менее и это жилье не всегда полностью удовлетворяет их потребности.

Основные жилищные проблемы – нехватка пространства, непригодность к местному климату, сезонная затопляемость. Эти и другие проблемы, связанные с жильем, людям приходится решать собственными силами.

Окружающая среда. В целом жители п. Усть-Порт отмечают ухудшение экологической ситуации, а также обращают внимание на климатические изменения. Они указывают на неблагоприятные погодные явления в прошедшем и текущем году: жаркое лето, сопровождавшееся сильными ветрами и штормами (2020 г.), и очень холодную зиму (2020–2021 гг.). При этом, несмотря на зимние заморозки, лед на Енисее был, по сообщениям собеседников, тоньше обычного, что связывается имело с плотинами, сооруженными на реке. ¶

В отношении животного мира собеседники в первую очередь отмечали изменения в путях миграций. Прежде всего они указывают на «уход» дикого оленя. Теперь, чтобы его добыть, необходимо ездить гораздо дальше, это сопряжено с большими затратами, и далеко не все могут их себе позволить. Изменения в миграции оленя связывают с деятельностью добывающих компаний.

Собеседница: Но охоту тоже, сейчас оленя нет у нас, потому что там построили эти всякие, как называется-то...

Интервьюер: Нефтепроводы?

Собеседница: Да, да, приезжали, которые выиграли грант, какая-то там фирма. Приехала и обрабатывала. Все копала, копала. Выкопали и такую оставили грязь там, такие эти останки свои, уехали. Зачем они там были, что они там делали? И олень от нас ушел другой тропой. И вот, пожалуйста! Рыбалка еще только осталась, говорю. Люди выезжают далеко, далеко, в другие территории, чтобы добыть дикого оленя. Но не каждый же может выехать (МЭЭ 1э).

С другими животными тоже происходят перемены: куропатки сменили окрас слишком рано, дикие животные (песцы, волки) необычно близко подходят к поселку.

Что касается рыбы, местные жители отмечают уменьшение ее количества и ухудшение качества – чаще попадает рыба, зараженная паразитами. Такая рыба не годится в пищу и для реализации, ее в основном выбрасывают. Уменьшение количества рыбы иногда связывают с ледоколами, которые стали чаще ходить, – они поднимают со дна Енисея песок, который влияет на рыбу, а также с отсутствием таких больших половодий на Енисее, какие были раньше, и с общим уменьшением уровня воды в реке.

Иногда люди, занимающиеся промыслом, замечают на Енисее маслянистые пятна. Они объясняют их деятельностью добывающих компаний, авариями нефтепроводов и разливами.

Собеседник: Да и болота тоже... В Тухарде было тоже, разлилось тоже... Труба дырявая была...

Интервьюер: Протекло в Енисей?

Собеседник: В Хету. Хета-то в Енисей впадает, сюда.

Интервьюер: И как-то это повлияло?

Собеседник: Не знаю, наверно повлияло... Скрыли тогда. Широкой огласки не было.

Интервьюер: А это недавно было?

Собеседник: Летом было. После этой [аварии]... На норильской [электростанции] там... (МЭЭ 6).

Из приведенной цитаты также видно, что люди обращают внимание на то, что многие разливы такого рода не подвергаются огласке, «замалчиваются».

Земля (доступ к земле и природным ресурсам для местных жителей). По рассказам наших собеседников, для ведения рыбного промысла нужен оформленный в аренду водоем. Права пользования водоемами разыгрываются на аукционах в рамках конкурсов, которые проходят каждый год летом. Водоем в аренду можно взять на длительное время, но далеко не каждый год может разыгрываться водоем на определенной территории – это зависит от того, имеются ли юридически свободные водоемы для розыгрыша. Для вылова особо ценных, «лимитированных», пород рыб необходимо также получить квоты.

Можно, однако, заниматься ловом рыбы, не оформляя документов, – если заключен договор с предприятием или предпринимателем, который имеет водоем и лимиты на вылов. В поселке утверждают, что сейчас только так и возможно заниматься промыслом легально – работая на предпринимателя. Иногда люди организуются в бригады, которые на сезон нанимает тот или иной предприниматель, и работают в них.

Интервьюер 1: Вы в одиночку рыбу добываете?

Собеседник: Нет! У нас уже как, бригада собирается. И мы работаем на какого-нибудь предпринимателя. Ему привозим рыбу, сдаем. Он потом с нами рассчитывается.

Интервьюер 1: А себе что-то тоже...

Собеседник: Да, себе, конечно, тоже на зиму там... посолим. Потому что сейчас только на предпринимателя можно рыбачить. Потому что документы, получается, только у них. Чтоб все это легально было, только на них надо работать (МЭЭ 1).

Для промысла, связанного с охотой (зайцы, куропатки, гусь, олень) не требуется разрешения такого типа, как на рыбу. Нужно, однако, разрешение на оружие. С оформлением документов, связанных с оружием, могут возникать проблемы, характерные для получения государственных услуг в удаленных поселках, – длительность пути до административного центра, необходимость попасть в расписание работы ведомства и т.п.

Для людей, относящихся к КМНТ, действует система квот на личное потребление рыбы и мяса. Впрочем, многие считают, что эти лимиты неоправданно низкие, и в действительности для нормального питания этих продуктов нужно больше.

Лимиты и разрешения на вылов контролируются чаще всего во время проверок в ходе транспортировки рыбы из поселка, например, в Дудинку. Полиция имеет право выполнять функции инспектора рыбнадзора. К концу года, когда необходимо готовить отчетность, по словам жителей, «мощность» надзора увеличивается. Также говорят о том, что совершаются «рейды» полицейскими и росгвардейцами из Дудинки, во время которых последние ведут себя агрессивно. В целом разговоры о регулировании промыслов и запретах скорее негативные – чувствуется неудовлетворение людей сложившимся положением.

С точки зрения повседневной практики места ведения личного промысла не являются чем-то особо закрепленным. «Енисей большой», «все общее», пользование происходит по принципу «кто первый нашел». Тем не менее люди стараются, как правило, не мешать друг другу. Способом закрепить место за собой, обозначить свое присутствие является постройка балка – передвижного жилища, представляющего собой, как правило, легкий деревянный каркас на полозьях, обитый брезентом (реже оленьими шкурами) и каким-либо утеплителем, с печкой внутри; рыбацкие балки, предназначенные для зимней ловли, могут быть без «пола».

Группизм в прикладных социальных исследованиях

Как уже говорилось выше, мы использовали концептуальный аппарат Социальной рамки для проектов в рамках оценки воздействия весьма ограниченным образом и для решения достаточно узкой задачи.

По этой причине в тексте не представлены индикаторы, прогнозы и какие-либо рекомендации – приведенное описание факторов благополучия жителей Усть-Порта (во всяком случае, некоторых жителей – сколько-нибудь связанных с жизнеобеспечением за счет промыслов и относящихся к коренным малочисленным народам либо связанных с такими людьми семейно-брачными и родственными отношениями), основанное на качественных данных, выполняет роль профиля сообщества и является материалом, необходимым для дальнейшей работы, но не замещающим ее. Тем не менее уже этот материал, помимо общего представления об упомянутых факторах благополучия, позволяет, как нам кажется, обратить внимание на некоторые теоретические аспекты оценок социального воздействия вообще и этнологических экспертиз в частности.

Дело в том, что в фокусе СРП находятся индивиды, а не коллективные сущности, как то сообщества или народы. Такой взгляд на концептуальном уровне несколько расходится с распространенными подходами к оценке воздействия. В международных методиках чаще обращают внимание на локальные сообщества. К примеру, в руководстве по оценке и управлению социальными воздействиями Международной ассоциации по оценке воздействия утверждается, что хотя люди испытывают некоторые социальные воздействия на личном уровне, методика оценки социального воздействия все же исходит из того, что люди «живут, работают и играют в социальных группах – сообществах», на которых поэтому и сосредоточено основное внимание в процессе оценки (Vanclay et al. 2015: 76). В российских реалиях исторически доминирует сосредоточение внимания на воздействии на этнические группы (в первую очередь коренных малочисленных народов). Так, все выделенные в обзорных и дискуссионных текстах подходы к этнологической экспертизе (см.: Данилова 2018, Функ 2018) так или иначе предполагают, что в центре внимания находятся коллективные сущности – этнические сообщества, этнические или социально-культурные общности, коренные народы, вовлеченные в «этнологическую ситуацию» группы населения и т.п. Во всех случаях речь идет о группах, коллективах как о предмете внимания и, в целом, «заботы» со стороны заказчика прикладного исследования и его исполнителя. Таким образом, в логиках оценки социального воздействия и этнологической экспертизы обнаруживается так называемый группизм – тенденция «рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главные действующие лица социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа», понимать группы «как субстанциальные сущности, которым могут быть приписаны интересы и деятельность», овецивать такие группы, «как будто они внутренне однородные, внешне ограниченные группы и даже единые коллективные акторы с общими целями» (Брубейкер 2012: 23–24).

В современной антропологии, в исследованиях отношений между корпорациями и местными сообществами (в первую очередь в ситуациях добычи полезных ископаемых) развивается критика неосторожного отношения к такого рода группам. Суть этой критики может быть сведена к такому утверждению: «сообщество» не предшествует социальному взаимодействию, а скорее производится в ходе такого взаимодействия – словами и действиями его участников, среди которых существенную роль играют в соответствующих ситуациях и добывающие компании (см.: Welker 2017). При этом те или иные определения конкретного сообщества фиксируют не столько положение дел в группе самой по себе, сколько представления той или иной стороны, всегда являющиеся одновременно схемами и идеализациями в не меньшей степени, чем «отражениями» действительности. Будучи, однако, выраженными или став основанием для каких-либо действий, такие «задействованные» (enacted) представления уже влияют на соответствующую действительность, формируют ее.

Пример применения такой критики к конкретному случаю отношений между добывающей компанией и местными жителями можно найти в работе австралийских исследователей под руководством Робин Майес (Mayes, McDonald, Pini 2014). Авторы показывают, как в «производстве» местного сообщества в одном из районов Австралии принимала участие компания-оператор никелевого рудника и гидрометаллургического завода BHP Billiton. Отчеты компании об устойчивом развитии представляли местные сообщества как предсуществующие, связанные местностью – умалчивая о постоянно происходящих изменениях и трансформациях как в содержании отношений между людьми, так и в формах этой связи или умалчивая об экстерриториальных связях жителей. При этом на практике компания активно участвовала в определении того, кто относится к сообществу или является его легитимным представителем – вовлекая жителей в формализованные взаимодействия (в рамках комитетов и консультационных групп) и грантовые программы, ориентированные на качества и ценности, комплементарные целям компании, укрепляя и в некотором смысле навязывая определенный образ местному сообществу.

Из приведенной критики следует, что исследователь должен быть внимательным к тому, как «проговаривается» и «делается» сообщество: кто говорит, как они определяют членство (кого включают и кого исключают), каковы связанные с этим «сообществом» контекст и импликации, материальные процессы и практики (Welker 2017: 452). Невнимательность к этим обстоятельствам приведет к тому, что исследователь в рамках социального процесса производства «сообщества» невольно окажется на стороне какой-то одной схемы-идеализации, которая делает менее видимыми не вписывающиеся в

эту схему аспекты взаимодействия. Здесь также следует заметить, что аналогичная критика, основанная на процессуальном подходе, существует и в отношении других типов коллективных акторов: этнических групп (Golub 2014), органов власти (Gupta 2012), корпораций (Welker 2014).

В применении к задачам нашего исследования импликация из приведенного выше общего критического аргумента состоит в том, что сосредоточение исследовательского внимания на анализе группы того или иного типа (сообщество, народ) может структурно подталкивать не обращать внимание на людей, не относящихся к соответствующим группам, которые, тем не менее, не только подвергаются воздействию, но чья жизнь тесно связана с жизнью людей из исследуемой группы. В наших материалах можно обнаружить примеры таких тесных связей – как локальных, не связанных с этничностью, так и, напротив, этнических, не связанных с локальной группой.

Иллюстрацией того, как благополучие зависит от локальных связей безотносительно этнической группы, может служить кооперация в рамках промыслов. Как уже было сказано в разделе статьи, посвященном жизнеобеспечению жителей поселка, рыбным промыслом небольшого масштаба заниматься невыгодно в связи с высокими издержками. Именно поэтому для предпринимателей, которые, тем не менее, пытаются преодолеть «порог входа», важны личные связи в поселке, которые задействуются для организации промысла. Логика задействования этих связей не этническая, а производственная.

Собеседник: Да. Просто, у меня как друг... Он индивидуальный предприниматель, у него есть все документы на вылов. И вот эту тоню он себе оформил, где кидать. У меня лодка большого размера. Вот он у меня просит, чтобы я эту рыбу вывозил. Ну, я же не буду там стоять, загрузки ждать, поэтому помогаю мужикам невод кинуть.

Интервьюер 1: А сдаете вы кому?

Собеседник: Вот этому же предпринимателю.

Интервьюер 1: Ему же?

Собеседник: Да. Он запускает рефы и морозит рыбу (МЭЭ 1).

Зависимость благополучия от этнической группы безотносительно локальных связей, как кажется, показывает пример функционирования родовых связей среди поселковых ненцев. Судя по словам наших собеседников, рассказы детям о прошлом, о членах семьи, рода, играют важную роль для жителей поселка. Мотивы при этом называются разные – от связанных с идентичностью («прививаем детям культуру, обычаи, традиции») до вполне прагматических («даже если ты с ним не общаешься, это на будущее. Вдруг где-нибудь столкнетесь»). Именно такого рода связи задействуются, например, для упоминавшейся выше добычи мяса домашнего оленя в условиях дефицита дикого.

Исследовательская рамка, ориентированная на анализ факторов, влияющих на жизни индивидов – такого типа как использованная нами СРП, как кажется, позволяет равное внимание обращать на все отношения, в которые вовлечены люди, в том числе на локальные и этнические связи.

Помимо описанного эпистемологического, рассмотренный теоретический аргумент имеет также этическое следствие: учитывая приведенную критику, исследователю стоит мыслить свою моральную позицию не с точки зрения выбора стороны, к которой следует присоединиться, но с точки зрения того, как сделать взаимодействия между вовлеченными в социальный процесс людьми более справедливыми, т.е. минимизировать структурное неравенство возможностей (Golub 2018: 22). В этом смысле некритическое использование заданных определений тех или иных групп может укреплять, стабилизировать связанный с этими определениями порядок взаимодействий, который при этом вполне может быть структурирован несправедливо. Рамка описанного нами типа позволяет, как нам видится, аккуратно отнестись к соответствующим определениям, во всяком случае, совершенно не предполагает их эссенциализации.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра за оказанное нашему коллективу доверие, без которого не могла бы состояться этнологическая экспертиза, материалы которой легли в основу данного текста, и отдельно Григорию Ивановичу Дюкареву за всестороннюю поддержку в процессе проведения экспертизы.

Мы сердечно благодарим всех наших собеседников, любезно согласившихся принять участие в исследовании, а также Анжелику Николаевну Сюгуней, Бэллу Терентьевну Чуприну и Иванеса Ивановича Яптунэ за помощь в организации и проведении полевого исследования в п. Усть-Порт.

Также выражаем признательность коллегам, вместе с которыми мы работали в рамках экспертизы на Таймыре, в том числе адаптировали Социальную рамку для проектов к условиям нашего исследования, разрабатывали опросники, кодировали и анализировали материалы, обсуждали результаты: Сергею Александровичу Арцемовичу, Марии Алексеевне Мочаловой, Николаю Владимировичу Плужникову, Владимиру Валерьевичу Поддубикову, Артему Алексеевичу Пушину, Юлии Владимировне Рожковой, а также руководителю проекта Дмитрию Анатольевичу Функу.

Примечания

1. Проведенную ЭЭ, таким образом, можно отнести к общественному типу (Функ 2018: 70).
2. Официальный сайт Международной ассоциации по оценке воздействия доступен по ссылке: <https://www.iaia.org>
3. Термины «качество жизни» и «благополучие» мы используем как синонимы.
4. См.: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>
5. Ознакомиться с вопросами анкеты можно по адресу: <https://drive.google.com/file/d/1cXtZ5wlXSct7H3Z8w4gx3--gdQyubopi/view?usp=sharing>
6. От собеседников получено письменное согласие на ведение аудиозаписи.
7. Итоговая система кодов доступна по адресу: https://drive.google.com/file/d/1bhVeNYdUonJWM5x1_esNzSXgW9VUGLsP/view?usp=sharing
8. Электронная карта недропользования России разработана и поддерживается ФГБУ «Росгеолфонд» по заказу Федерального агентства по недропользованию (Роснедра). Карта доступна по адресу: <https://www.rfgf.ru/info-resursy/interactive-map>
9. Среднее значение рассчитано по данным, выложенным на сайте Министерства экономики и регионального развития Красноярского края: http://www.econ.krskstate.ru/ser_kray/potrebynok/livingwage/vpm2020

Источники

МЭЭ – Материалы этнологической экспертизы, январь–февраль 2021 г. Полевые материалы, собранные участниками этнологической экспертизы в поселке Усть-Порт, включают шесть интервью с семьями, преимущественно связанными с занятиями рыбалкой и охотой (МЭЭ 1–6), три экспертных интервью с сотрудниками администрации, школы и родовой общины (МЭЭ 1э–3э).

Литература

- Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.
- Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.
- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. ООН. 2007.
- Культура и ресурсы: опыт этнологического обследования современного положения Севера Сахалина / под ред. Д.А. Функа. М.: Демос, 2015.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012.
- Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Сен А. Возможности и благосостояние // Философия экономики: Антология / под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 325–354.
- Социально-экологические принципы Всемирного банка. Всемирный банк. 2017.
- Стандарты деятельности по обеспечению экологической и социальной устойчивости. Международная финансовая корпорация. 2012.

- Функ Д.А. Этнологическая экспертиза: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 6. С. 66–79.
- Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters. Vol. I: Methodology. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015a.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters. Volume II: Tools. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015b.
- Franks D.M., Brereton D., Moran C.J. The cumulative dimensions of impact in resource regions // *Resources Policy*. 2013. Vol. 38, № 4. P. 640–647.
- Gill D., Ritchie L. Considering Cumulative Social Effects of Technological Hazards and Disasters // *American Behavioral Scientist*. 2020. Vol. 64, № 8. P. 1145–1161.
- Golub A. From Allegiance to Connection: Structural Injustice, Scholarly Norms and the Anthropological Ethics of Mining Encounters // *Mining Encounters: Extractive Industries in an Overheated World*. Mining Encounters / eds by R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. London: Pluto Press, 2018. P. 21–37.
- Golub A. Leviathans at the gold mine: creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea. Durham: Duke University Press, 2014.
- Gupta A. Red tape: bureaucracy, structural violence, and poverty in India. Durham: Duke University Press, 2012.
- Mayes R., McDonald P., Pini B. 'Our' Community: Corporate Social Responsibility, Neoliberalisation, and Mining Industry Community Engagement in Rural Australia // *Environ Plan A: Economy and Space*. 2014. Vol. 46, № 2. P. 398–413.
- Post-Disaster Needs Assessments. Vol. A: Guidelines. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013a.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume B: Agriculture, Livestock, Fisheries and Aquaculture. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013b.
- Rampin R., Steeves V., DeMott S. Taguette // *Zenodo*. 2021. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5111814>
- Schooten M., Vanclay F., Slootweg R. Conceptualizing social change processes and social impacts // *The International Handbook of Social Impact Assessment: Conceptual and Methodological Advances*. 2003. P. 74–91.
- Smyth E., Vanclay F. The Social Framework for Projects: a conceptual but practical model to assist in assessing, planning and managing the social impacts of projects // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2017. Vol. 35, № 1. P. 65–80.
- Vanclay F. et al. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.
- Vanclay F. International Principles For Social Impact Assessment // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2003. Vol. 21, № 1. P. 5–12.
- Webler T., Lord F. Planning for the human dimensions of oil spills and spill response // *Environmental Management*. 2010. Vol. 45, № 4. P. 723–738.
- Welker M. Articulating and Disarticulating Corporation and Community // *The Corporation* / eds. G. Baars, A. Spicer. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 449–456.
- Welker M. Enacting the corporation: an American mining firm in post-authoritarian Indonesia. Berkeley: University of California Press, 2014.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2021 г.

Applying an International Approach for Social Impact Assessment to an Ethnological Expert Review of Western Taymyr Peninsula

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/8

Aleksandr S. Basov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

Sviatoslav O. Kovalskii, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation's project "Anthropology of Extractivism: Research and Projection of Social Change in Regions of Resource Type" (Grant No. 20-68-46043, supervised by D.A. Funk).

Abstract. The article's aim is twofold: on one hand, to present the authors' experience of applying an approach, proposed by international practitioners in the field of Social Impact Assessment, in a kind of applied research specific to Russia, namely the Ethnological Expert Review; on the other, to present a theoretical argument, supported by this experience, against "groupism" in applied research as a trend fraught with certain epistemological and ethical difficulties. The article presents the circumstances, goals, and principles of the Ethnological Expert Review in which the authors participated; describes the approach used in the research process and the reasoning behind choosing it; the course of the study and its results; and the conceptual implication of the authors' experience in the light of anthropological theory.

Keywords: Social impact assessment, ethnological expert review, anthropology of mining, Taymyr peninsula

References

- Adaev V.N., Martynova E.P., Novikova N.I. *Kachestvo zhizni v kontekste etnologicheskoy ekspertizy v Rossijskoj Arktike: Tazovskij rajon YNAO* [Quality of life in the context of ethnological expertise in the Russian Arctic: Tazovsky District, YNAO]. *Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nestor-Istoriya»*, 2019.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters*. Volume I: Methodology. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015a.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters*. Volume II: Tools. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015b.
- Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012. (in Russian)
- Danilova E.N. Etnologicheskaya ekspertiza: sovremennyye koncepcii i podhody [Ethnological Expertise: Modern Concepts and Approaches], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2018, no. 1 (58), pp. 127–134.
- Deklaraciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o pravah korennyh narodov* [Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. UN. 2007.
- Franks D.M., Brereton D., Moran C.J. The cumulative dimensions of impact in resource regions, *Resources Policy*, 2013, Vol. 38, no. 4, pp. 640–647.
- Funk D.A. Etnologicheskaya ekspertiza: rossijskij opyt ocenki social'nogo vozdejstviya promyshlennyh proektov ["Ethnological Expert Assessment": A Russian Experience in Evaluating the Social Impact of Industrial Projects], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 66–79.
- Gill D., Ritchie L. Considering Cumulative Social Effects of Technological Hazards and Disasters, *American Behavioral Scientist*, 2020, Vol. 64, no. 8, pp. 1145–1161.
- Golub A. From Allegiance to Connection: Structural Injustice, Scholarly Norms and the Anthropological Ethics of Mining Encounters. In: *Mining Encounters: Extractive Industries in an Overheated World. Mining Encounters* / eds by R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. London: Pluto Press, 2018, pp. 21–37.
- Golub A. *Leviathans at the gold mine: creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham: Duke University Press, 2014. – 247 p.
- Gupta A. *Red tape: bureaucracy, structural violence, and poverty in India*. Durham: Duke University Press, 2012.
- Homich L.V. *Nency: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nenets: Historical and Ethnographic Sketches]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966.

- Kul'tura i resursy: opyt etnologicheskogo obsledovaniya sovremennogo polozheniya Severa Sahalina* [Culture and Resources: An Ethnological Survey of Sakhalin's North Today] / ed. by D.A. Funk. Moscow: Demos, 2015.
- Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nency v usloviyah neftegazovogo osvoeniya: Etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda* [Tazov Nenets in the Conditions of Oil and Gas Development: Ethnological Expertise 2011]. Moscow: IP A.G. Yakovlev, 2012.
- Mayes R., McDonald P., Pini B. 'Our' Community: Corporate Social Responsibility, Neoliberalisation, and Mining Industry Community Engagement in Rural Australia, *Environ Plan A: Economy and Space*, 2014, Vol. 46, no. 2, pp. 398–413.
- Metody etnologicheskoy ekspertizy* [Methods of ethnological expertise] / ed. by V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN, 1999.
- Poddubikov V.V., Sadovoj A.N., Belozyorova M.V. *Ekspertiza i monitoring tradicionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Expertise and monitoring of traditional forms of natural resource use of indigenous small-numbered ethnic groups: methods of applied ethnology]. Kemerovo: Praktika, 2014.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume A: Guidelines*. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery. 2013a.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume B: Agriculture, Livestock, Fisheries and Aquaculture*. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013b.
- Rampin R., Steeves V., DeMott S. Taguette, *Zenodo*. 2021. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5111814>
- Rossiyskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development] / ed. by V.A. Tishkova. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016.
- Schooten M., Vanclay F., Slootweg R. Conceptualizing social change processes and social impacts. In: *The International Handbook of Social Impact Assessment: Conceptual and Methodological Advances*. 2003, pp. 74–91.
- Sen A. Vozmozhnosti i blagosostoyanie [Opportunity and Welfare]. In: *Filosofiya ekonomiki: Antologiya* [Philosophy of Economics: An Anthology] / ed. by D. Hausman. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012, pp. 325–354.
- Smyth E., Vanclay F. The Social Framework for Projects: a conceptual but practical model to assist in assessing, planning and managing the social impacts of projects, *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2017, Vol. 35, no. 1, pp. 65–80.
- Social'no-ekologicheskie principy Vsemirnogo banka* [The World Bank Environmental and Social Framework]. The World Bank, 2017. (in Russian)
- Standarty deyatel'nosti po obespecheniyu ekologicheskoy i social'noj ustojchivosti* [IFC Performance Standards]. International Finance Corporation, 2012. (in Russian)
- Vanclay F. et al. *Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects*. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.
- Vanclay F. International Principles For Social Impact Assessment, *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2003, Vol. 21, no. 1, pp. 5–12.
- Webler T., Lord F. Planning for the human dimensions of oil spills and spill response, *Environmental Management*, 2010, Vol. 45, no. 4, pp. 723–738.
- Welker M. Articulating and Disarticulating Corporation and Community. In: *The Corporation* / eds. G. Baars, A. Spicer. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 449–456.
- Welker M. *Enacting the corporation: an American mining firm in post-authoritarian Indonesia*. Berkeley: University of California Press, 2014.